

Концепция поведенческого времени Эрнеста Беккера и современность

К.А. Чистопольская, С.Н. Ениколопов

Он улыбнулся, снял с руки часы
И положил их временем на стол.
Потом провёл ладонью по лицу,
Стирая выражение с лица.
Затем закрыл глаза
И ощутил
В ушах прозрачный бархат тишины, –
Беззвучный шёпот стереоподушки.
Протиснувшись сквозь пёструю пургу,
Он увидел себя на берегу
Реки своей души, он различал
В тумане устья сумрачный причал,
Угадывал невидимый исток
И русла нить, и спутанный клубок
Несбывшихся притоков, рукавов,
Жгуты плотин и раны островов.
Стоячих вод тягучая тоска,
И тёмный ил, и звездочки песка, –
Река жила. С подвижностью теней
Другие реки отражались в ней,
Чужие проступали времена,
Чужие судьбы достигали дна.
Он снова видел спутанный клубок
Течений; закипающий поток
Из отражений тысяч тел и лиц
Людей, зверей, камней, растений, птиц
Свивался в нить, в спираль, затем – в
кольцо.
Рой острых брызг летел ему в лицо
И низвергался водопадом ниц,

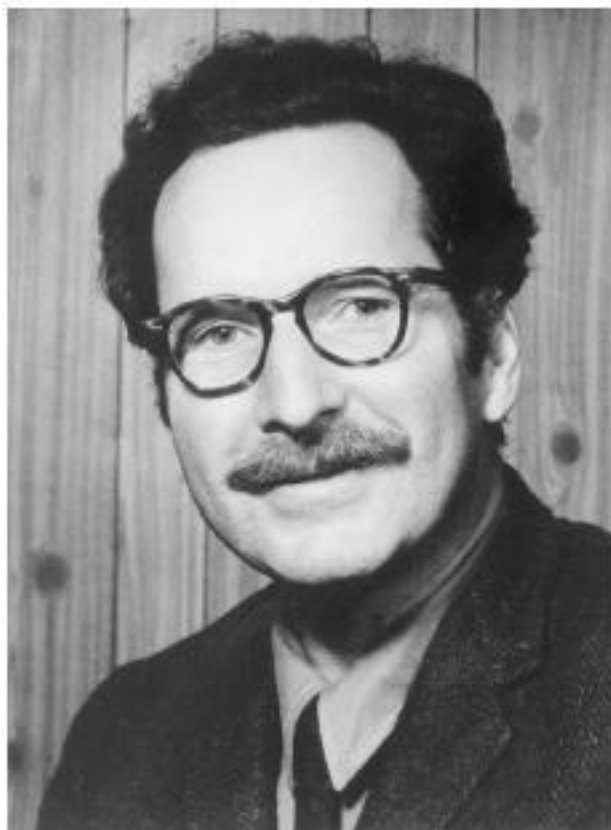
И снова закипал потоком лиц,
Свивался в нить, в спираль, затем в
кольцо,
Из тысяч лиц творя его лицо.

Михаил Шерб. Река.

Эрнест Беккер – культурный антрополог, лауреат Пулитцеровской премии 1974 года в жанре научной публицистики за книгу «Отрицание смерти». В рамках психологии он развивал идею поведенческого времени, сформулировал модели шизофрении и депрессии и самосознающих эмоций. Постепенно он подошел к теме смерти и ее героического преодоления. Его работы были полностью адаптированы социально-психологической теорией

управления страхом смерти (terror management theory, TMT). В данной статье приводятся его основополагающие идеи и их развитие в современных экспериментальных направлениях.

Ключевые слова: *временная перспектива, длительность я, действие и прохождение, теория управления страхом смерти, напоминание о смерти, страх смерти, ностальгия, привязанность, творчество, генеративность*

О Беккере и его наследии

Эрнест Беккер (27.09.1924 – 06.03.1974) – независимый мыслитель, обогативший многие гуманитарные науки. В психологии с 1986 г. наиболее полно его идеи развивают и доказывают на практике авторы теории управления страхом смерти (Greenberg et al., 1986). На его рассуждения о страхе смерти опираются Рой Баумайстер (1990) в своей теории страха исключения и бегства от самосознания и Филипп Зимбардо (2008) в теории временной перспективы. Эксперт в области социальной работы Дэниел Личти (2000), а также психологи Патрик Манли и Филипп Джонсон (2003) указывают на важность его размышлений об индивидуальных системах героизма и значении смерти в работе с умирающими пациентами и в рядовой психотерапии. Авторы теории генеративности, развиваемой в рамках нарративного подхода, вслед за Беккером полагают, что генеративность возникает из желания символического бессмертия (Chandler, Proulx, 2008; St. Aubin 2004; McAdams, Logan, 2004). Социологи Уильям Дюбуа и Дин Райт, вдохновившись трудами этого ученого, пишут о необходимости ценностной науки о человеке и гуманистической социологии (2002).

Наиболее известны последние работы Беккера: «Отрицание смерти» (1973), за которую ему была присуждена Пулитцеровская премия в жанре публицистики, и изданный посмертно его женой труд «Бегство от зла» (1975). Он написал их под

влиянием идей Отто Ранка (1936) и Нормана О. Брауна (1959), подверг критике и пересмотру многие классические психоаналитические понятия, в основу человеческой деятельности поставил страх смерти и проанализировал с этой позиции индивидуальное и культурное человеческое развитие. Работы «По ту сторону отчуждения» (1967), «Структура зла» (1968), «Потерянная наука о человеке» (1971) касаются развития антропологии и социологии как наук, их проблематики, поиска этического идеала. В еще более ранних работах, «Рождение и смерть значения» (1972) и «Революция в психиатрии» (1964), Беккер задумывался над причиной происхождения значения¹ в эволюции и индивидуальном развитии человека, а также над ролью значения в возникновении и течении душевных заболеваний. Причиной человеческих страданий Беккер считал отчуждение в самых разных жизненных ситуациях: во взаимодействии человека и группы, двух людей, а также в отношениях человека с самим собой, когда он обращается с собой как с объектом. Проследив развитие размышлений Эрнеста Беккера во всех его работах, обнаруживается, что важным объединяющим понятием в них является конструкт поведенческого времени, и последние работы демонстрируют его приложение на примере страха смерти.

Основные понятия: время, культура и личные переживания

В книге «Революция в психиатрии: новое понимание человека» (1964) Эрнест Беккер соотнес идеи Анри Бергсона о памяти и времени со взглядом Джона Дьюи на органический опыт, а также использовал понятие транзакции из транзактной теории восприятия. Он пытался создать образ человека, максимально полно ощущающего собственное бытие и, одновременно, отвечающего реальности, и делал это, заостря дихотомию тела и души, чувства и разума, животного и культурного.

По Бергсону (1911, 1979), мысль происходит из всего органического действия, и вся наша интеллектуальная жизнь основана на сенсомоторных функциях, приобретенных через опыт. Прошлое сохраняется в памяти, которую можно разделить на моторную и образную, причем моторная более точна, а образная – это «репрезентация» прошлого в настоящем.

Дьюи (1958) полагал, что человеку необходим баланс между действием и «прохождением» действия. В действии без преград не возникает осознанного смысла. «Прохождение» дает способность к осознанию «я», подконтрольному действию, его откладыванию. Но чрезмерная рефлексия без достаточного опыта приводит к потоку хаотических впечатлений. Значение достигается через поведение, а не через простую регистрацию опыта, его не хватает там, где происходит смешение входящих сенсорных впечатлений, восприятий, идей, импульсов и тенденций. Оно возникает, когда их соотношения разрешают себя при помощи анализа, синтеза, ритмического шаблона, создания образов, символической формулировки, рационализации или другой деятельности, в организованные и гармоничные единицы, схемы или систематизированное целое.

Беккер использует понятие транзакции для обозначения поведения, в котором органично сочетаются действие и его прохождение. Термин пришел из транзактной теории восприятия Уильяма Иттельсона (Ittelson, Kutash 1961), который создал ее на основе работы Джона Дьюи и Артура Бентли (1949). В транзакции все части ситуации входят в нее как активные участники, и они обязаны своим существованием

¹ Беккер преимущественно использовал термин «meaning», он же встречался в словосочетании «meaning of life», которое скорее соответствует выражению «смысл жизни»; говорил как о личных смыслах, так и о разделяемых в обществе значениях. – *Прим. авторов.*

факту активного участия, а не появляются как уже существующие множества, просто взаимодействующие друг с другом без влияния на свою собственную идентичность. Человек-в-действии – не что-то радикально установленное против окружающего мира, не просто действие «в» мире, но действие мира, совершенное миром, которому человек принадлежит как интегральная составляющая.

В концепции поведенческого времени Беккер объединил две формы времени, которые описал Бергсон (1910, 2006): первичное чувство времени, чувство «чистой длительности», продолжающегося присутствия, и объективное, гомогенное, измеренное, последовательное время, которое состоит из интервалов. Если бы время текло без проверочных точек, результатом было бы подчинение случайному событию. Фиксирование времени становится частью опыта организма. Поведенческое время – творческое объединение внешнего и внутреннего миров, процесс интеграции измеряемых временных отрезков в организме. Когда организм действует с помощью концептуальной временной схемы, внутренний мир субъективного времени прорастает внешними указателями – воспоминания упорядочиваются и контролируются, ожидания фиксируются.

Измеряемые внешние время и пространство не являются качествами вещей. Они не необходимы для знания о вещах. Но они служат для абстрактного выражения средств, с помощью которых организм схватывает свое действие. Встраивая во все наши прошлые и будущие действия перспективу измеряемого времени, мы позволяем себе предсказуемость. Без этого мир не придет к существованию для удобной манипуляции, и сам организм не сможет распространить самосознание на даты, места и вещи.

Поведенческое время – часть нашего создания объектов и значений. Каждый раз, когда мы ожидаем ответ от объекта, мы создаем временную перспективу. Это процесс совпадения чистого внутреннего времени с определенными объективными ожиданиями. Такое объединение чистой субъективности и измеренной объективности дает организму возможность предсказания течения событий по отношению к собственным намерениям действий. Собственные силы согласовываются с трудностями последовательностей событий.

Овладение поведенческим временем – это интеграция чувствуемого настоящего с объективными прошлыми и будущими коррелятами. Пока мы не обучаемся предсказывать, мы в распоряжении настоящего. Поведенческое время стремится дать человеку ощущение внутреннего гироскопа, и он достигает собственного баланса между настоящим и будущим. Так время превращается в схему. Каждый индивид становится амальгамой временных перспектив, он движется вперед безопасно в известном мире.

Поведенческое пространство тоже состоит из двух типов: привычное пространство действия, ограниченное индивидуальными движениями тела, и абстрактное, измеряемое, концептуальное пространство: как карта или как космос. Проживаемое пространство действия встраивается в организм через поведение; расстояние, измеряемое привычкой, становится частью организменных ожиданий и ритмом. Концептуальное пространство тоже становится частью нашего когнитивного мира, но даже когда у нас есть карта дорог, мы чужаки, пока не пройдем по этим дорогам.

Беккер считал создание измеряемых пространства и времени исключительно человеческим качеством, посредством которого человек более надежно вписывает себя в окружающий мир. Создание объектов через поведение – то, что может делать любое животное. Но развитие абстрактных категорий пространства и времени, в центр

которых человек сознательно себя помещает, уникально в природе. Посредством этих абстракций человек соотносит себя с интервалами и расстояниями, которые он может никогда не испытать целостным организмом.

Рассмотрев развитие этих абстрактных понятий в человеческом онтогенезе, Беккер пришел к мысли, что, в отличие от, например, кошки, человек не просто «есть» тело, но тело становится его средством полагания символического «я» в мире. Длительный период зависимости наполняет ребенка тревогой, которую в процессе его социализации родители направляют на подчинение культурному миру. Чтобы стать независимым культурным деятелем, человек принимает режим дисциплинарных фрустраций. В результате он получает яркое чувство «я» с ощущениями должного и не должного действия. Индивид чувствует себя тепло, если поступает правильно, и тревожно, если ему не хватает предписаний. Ранний страх потери объекта у взрослого преобразуется в страх неверного действия. Индивидуальное базовое чувство первичного комфорта и теплой самооценности становится неотделимо от предписаний действий, которым он был обучен. Следовательно, прошлое действие, как и намерение, то есть будущее, тяжелым грузом нависает над настоящим. Действие в настоящем становится прошлым, которое преследует человека, или зловещим будущим. Это значит, что предсказуемость не приносит человеку мир. Свобода от тирании настоящего момента покупается тяжелым осознанием своих ошибок и страха будущих последствий настоящих ошибок. Индивид навсегда теряет возможность безопасного поселения в мире, даже когда он оформил его для собственного использования. Сознание измеряемого времени дает сознание начала и конца. Так приходит страх смерти.

Время и психопатология

Концепция поведенческого времени легла в основу построения модели душевных расстройств: депрессии и шизофрении.

Основной характеристикой больного шизофренией, считал Беккер, является слабое эго. Человек, отдавший себя «прохождению», имеет минимум характеристик идентичности, соответствующих реальности. Когда человек действует в фантазии, он не может оценить свои действительные возможности, а это – главное знание человека о себе. Объекты фантазий никогда нас не поправляют. Воображаемое действие всегда имеет желаемый результат. И оно останавливается, когда о нем перестают мечтать. Временная перспектива, возможность вписать себя в поток времени возникает в действии. Отсюда – поведенческая бедность больного шизофренией. Он не действует, поэтому зависает в безвремяе. Прошлое часто кажется ему чрезмерным и давящим, а будущее исчезает. Чувство «я» подразумевает длительность во времени, а в случае больного шизофренией мы имеем дело с человеком, который никогда не мог безопасно действовать во временных перспективах. Слабое «я» живет в длящемся настоящем. Это похоже на жизнь в детстве: в прошлом еще мало значимых событий, а будущее неизвестно и неподконтрольно. Поэтому ребенок, как и шизофреник, в большей степени «проходящее» существо, отдан отдельным опытам. В таких состояниях человек пытается создать целостное значение через мельчайшие действия. Человек заново, безопасно переживает моменты жизни и слагает из них свою идентичность.

Другое понятие, которое использовал Беккер для описания психопатологии – словари мотивации. Впервые его употребил Чарльз Миллс (1940). Это семантические поля, существующие в той или иной деятельности в обществе. Больной шизофренией не в состоянии в них ориентироваться, и потому понимает многие вещи буквально, ему

недостает разделяемых обществом значений. Он создает свой словарь мотивации, и свое длительное «я», основанное на эстетических или религиозных мотивах, чтобы не зависеть от внешнего опыта.

Депрессия, полагал Беккер, возникает в случаях, когда люди чувствуют, что их ситуация должна быть приемлема, но они не могут ее принять. Это еще не признание того, что жизнь не имеет смысла, это поиск значений в существующих социальных системах и ролях, поиск языка описания своей ситуации. Поэтому в депрессии люди часто говорят о вине, зависти, мести, потери объекта. Все это словари, позволяющие остаться в рамках ситуации, определенная закрытость, но эти факты объединяет то, что человек либо пытается продолжать действовать так, словно потерянный объект все еще существует, либо «пересказывает» ситуацию, чтобы она стала более приемлемой для существования в ней.

Согласно Беккеру, чтобы человек мог быть гибким, оценивать настоящий опыт с минимумом раннего багажа, сдерживающие эффекты раннего воспитания должны быть отменены. К примеру, больному шизофренией лучше жить отдельно, чтобы он мог учиться действовать самостоятельно. Он приводит в пример исследование Жана Пиаже о развитии нравственности ребенка (2006): в стадии «нравственного реализма» правила негибкие, не способные к исключениям, ребенок не имеет суждения о том, откуда правила берутся, не может оценить их справедливость и обстоятельства, к которым они применяются; в стадии «нравственного релятивизма» правила теряют ауру авторитаризма, становятся гибкими, подконтрольными, объективированными.

Проблема в том, что человек обучается взаимодействовать с объектами прежде, чем развивается полная система символизации. Он формирует из себя деятеля, даже не зная, что происходит. Словари мотивов спутаны и имеют для человека разную степень ясности. Каждый объект «говорит» с человеком «на разные голоса» – вызывает к разным словарям мотивации, напоминает о том или ином событии или человеке в прошлом, предлагает разные временные перспективы. Поэтому так легко потерять «свой мир» – человек изначально его не имеет. Неудивительно, что он не спешит отказываться от того, что у него есть.

В связи с этим, чем меньше у ребенка было в детстве «условий ценности», тем лучше. Когда ребенка принимают безусловно, образ «я» не зависит от одного правила, объекта, цели. Невроз Беккер определил как запрет возможностей выбора из-за неспособности символизировать, когда человек придерживается узкого набора действий и объектов для достижения чувства самооценности.

Время и эмоции

Беккер полагал, что тревога – это просто страх неизвестного, а не «глубокая внутренняя угроза», она возникает там, где недостает слов – конвенциональных обоснований действия. Она происходит из возможности отказаться от всей системы значений. Новый выбор может нарушить всю связность и длительность, последовательность прошлого опыта.

Стыд и вина – два других чувства, имеющие непосредственное отношение к «я» человека. Беккер описывал стыд как социальную санкцию, сдерживающую человека в обществе. Вина – это внутренняя санкция интроецированного суперэго. Так как вина формируется в детстве, это еще и скопление прошлых угроз, в то время как стыд – это всегда угроза в настоящем, от настоящей аудитории.

Но в рамках психопатологии все оказывается несколько сложнее. Больной шизофренией испытывает вину идентичности, чувство, которое может быть выражено

формулой «прости, что я существую», он не может сказать «прости за мое действие». Это происходит из-за полной неспособности человека инициировать действие по отношению к объектам, поэтому акцент ставится на связанности действия, а не на устрашающем объекте. Это объясняет, почему можно испытывать чувство вины по отношению к действию любви, понимания, к мягким отцам. Если вина сильна, хотя объект добр, это значит, что вина связана с собственными силами, а не с запретами. Родители могут избегать строгости, только чтобы ребенок был более чувствителен к своим действиям. Вина существует в больших дозах там, где предписание поведения нечетко, где нет структуры действия, надежных формул выполнения.

Беккер предполагал, что стыд и вина относятся к одному континууму, только вина действует там, где правила менее символизированы, а стыд – в более четких, явных и рациональных правилах. Вина более конкретна, но в том смысле, что не критично смешана с конкретными экзистенциальными объектами, от которых происходит. И вина, и стыд описывают факт раннего воспитания, доступный символической манипуляции в разной степени.

И стыд, и вина относятся к блокированному действию. При стыде действие отрезано, не имеет валидного личного мотива, не возможно. При вине действие может быть и возможно, но человек в этом не уверен. Ему кажется, что должно быть какое-то возможное действие.

Вина к себе как к объекту, то есть полное отсутствие даже подразумеваемых правил, приходит к человеку естественно. Экстремальный тип объектной вины полностью случаен, потому что требует поведения столь же уникального, как и объект по своей природе. Объектная вина так же объясняет, почему жертвующий родитель вызывает наибольшую вину. Невозможно отнять правила от такого объекта, обладать каким-то личным мотивом.

В отношении стыда Э. Беккер соглашался с Хелен Линд (1958): стыд показывает социальную природу «я» как набор социальных мотивов. Здесь есть парадокс: то, что социально, проходя через индивида, становится неотъемлемо личностным. Об этом же говорил и Джозеф Нюттен (1950): стыд связан с проницаемостью человеческого сознания. У человека есть внутренняя психологическая жизнь, но это лишь личный полюс социальных мотивов, она личная только по месту, а не в смысле, что известна только себе. Стыд возникает в момент признания, что личное – это только внутренний полюс социального. Смушение сродни стыду, это временная беспомощность, прежде чем возникнет чувство стыда. Внешнее проявление стыда – это социальный показатель подчинения человека обществу, так он показывает свою открытость, искренность, социализированность. Но стыд может быть разрушителен для человека, смертелен, если он отдастся ему полностью: это смерти дикарей, описанные антропологами, самоубийства в ситуациях бесчестия. Поэтому, полагал Беккер, в детях культивируют гордость. Это культивация внешнего вида личных мотивов с одновременной внутренней реальностью вещей. Здесь человек попадает в ловушку: он хочет, чтобы все подчинялись социальным мотивам, но если не будет личных мотивов, никто не сможет чувствовать реальность одновременно своей, индивидуальной, – и социальной. Гордость уменьшает чувство стыда, и автономный индивид отделяет себя от группы.

Таким образом, стыд, вина, смушение, гордость, тревога – чувства-маркеры социального принуждения и интеграции человека в общество. Уменьшить эти переживания можно, увеличивая ясность словарей мотивации и помогая человеку осознать, что он может выбирать из них. Если человек постоянно обращается к прошлому для категоризации настоящего, его идентичность бедна.

Время и человек

Итак, изначально человек сталкивается с двойственностью своей природы. Она проявляется в дуализме символического я и тела (порой это два независимых способа бытия в мире), символического и материального (мысль и реальность, раскол между тем, кем человек себя чувствует, и идентичностью, которую он заработал социальным исполнением), в различии между объектом и его абстракцией (она всегда меньше, чем объект), в возможных несовпадениях целей и средств, в разнице между социальным и личным (внешнее и внутреннее не конгруэнтны, человек может чувствовать себя отделенным от общества, то есть одиноким, или монополизированным им, то есть испытывать стыд). Кроме того, в человеке зачастую идет борьба между старыми правилами и новым опытом. Эти дуализмы, полагал Беккер, не абсолютны, но ощутимы. И примирение их происходит в эстетическом объекте. Человек делает свой мир безопасным посредством эстетических интеграций. Понятие эстетического Э. Беккер взял из генетической теории реальности Джеймса Марка Болдуина (1915). Последний полагал, что красивое – это объединение хорошего и правдивого, где хорошее – это то, что внутренне удовлетворяет, успокаивает жизненные силы, а правдивое – доказанное опытом, преодолевшее безнадежное разделение между организмом и средой, показавшее, что внутреннее стремление человека может быть удовлетворено во внешней природе.

Для убедительности человеку нужно объединять правила и объекты, а для изменения намерений – разделять их. Но эстетическое объединяет личное и публичное, субъект и объект, символическое и материальное так, что это не закабалит, а освобождает, обнаруживает новые смыслы и новые возможности. Эстетический объект так гармоничен, что мы перестаем сомневаться, реально ли символическое. Он показывает, что жизнь не напрасна, дает возможность человеку верить в свою базовую способность творчества.

Частным случаем эстетического объединения Беккер считал любовь. Любящий утверждает другого в его теле, позволяет человеку индивидуальность, признает святость личного мотива, уважает другого, а эти отношения отрицают обладание и власть над другим. Ему противопоставлен садист, стремящийся раскрыть личное, показав, что этого личного и не существует вовсе.

С любовью связано понятие прощения. Прощение отъединяет объект от любой связи с его прошлым действием, и человек видит новый объект, новую спонтанность.

Развитие идей: что есть наибольшее зло

В большинстве работ Эрнеста Беккера занимал вопрос социального зла: почему человек оказывается способен на преступление, почему он несчастен, как работают социальные институты и почему они несовершенны в том смысле, что оставляют место неблагополучию (1967, 1968, 1971, 1975). В книге «По ту сторону отчуждения: философия образования для кризиса демократии» он предположил, что причина несовершенства человеческого мироустройства лежит в отчуждении в глобальном смысле: в отчуждении разных отраслей знания, в распаде наук, в отсутствии единения в обществе (1967). Беккер полагал, что отчуждение в своей основе является ценностной проблемой. Так, Чарльз Миллс критиковал общество, говорил о том, что цивилизация не критична, она жертвует свободой индивидов ради продолжения надуманной социальной системы, выдуманного паттерна социального смысла (1970). Ирвинг Гофман продолжил эти рассуждения, описав, как человек полагается на суждения

других, чтобы заслужить свое чувство ценности (2000). Все это приводит к падению свободного общества, превращает человека в социальный автомат. Беккер размышлял над проблемой эстетического в социальной сфере: социальная эстетика должна быть критичной, фрагментированное общество, смыслы которого разорваны, или «фетишизированы», не способно дать человеку свободу осознанного действия. С сожалением он говорил, что любая интеграция на основе социальной эстетики оказывается объединением против кого-то еще, в ней заложена возможность нахождения «козлов отпущения».

В книге «Структура зла: эссе об объединении науки о человеке» (1968) Э. Беккер назвал свой взгляд на человека «объединенной теорией действия». Он пытался широко и детально объяснить человеческую деятельность и ее неудачи, увидеть ее основу в полном организменном функционировании, а не только в символическом, лингвистическом модусе, при этом не теряя правду символического подхода, социально-психологическое объяснение происхождения и природы человеческого «я».

Вслед за Хейзингой (2007), Беккер говорил о необходимости ритуала и игры в культуре, празднования момента, проживания человеком собственного героического и жертвенного вклада в мир.

Э. Беккер принял взгляд Мартина Бубера (1995): эстетический идеал должен быть построен на основе человеческой встречи, человек может почувствовать себя, только установив связь между собой и другим. Проблема убеждения для человека заключается в достижении контакта с полной тайной и жизненностью бытия. Когда человек воображает то, что переживает, желает, воспринимает, думает другой, это и есть высшая реальность. Это оживленная фраза эпохи Возрождения: *Homo homini Deus est* (человек человеку Бог).

Беккер совместил понятия идеального и эстетического в концепции транзакции. Основываясь на подходе Уайтхеда (1958), соединившем идеи Дьюи (1934, 1958) и Болдуина (1915), он говорил, что чувство реальности – это чувство эффективности. Человек имеет тенденцию складывать опыт, ему требуется больше и больше реальности, чтобы обладать большим самоощущением. Проблема власти – это проблема компульсии композиции и связности, принудительное и насильственное обобщение. Но и финальная актуальность опыта имеет объединение власти (силы). Суть силы в стремлении к эстетической ценности ради эстетической ценности. Человек «сочиняет» реальное или актуальное из сил, которые он упражняет над данными чувств. Иначе говоря, человек сохраняет длительность действия, преобразовывая проблемную ситуацию в организованное целое или эстетическое единство.

Триумф эстетического объекта заключается в том, что он представляет собой объединение человеческой цели в плюралистичном, но нейтральном мире. Мир обогащается через объединяющий эстетический объект, но сам объект никогда полностью не подконтролен и не определен. Он сохраняет свое естественное разнообразие, богатство и крайнюю свободу. Эстетический объект, таким образом, – высший объект, потому что добавляет конкретность и свободу миру одновременно. Так он преодолевает разъединенность и детерминизм.

Для Уайтхеда существовали два зла: «вещи блекнут» и «альтернативы исключают друг друга». Создание объектов дает человеку силы и значение, поэтому, когда они разрушаются, человек испытывает чувство, словно его лишают опоры. Создание объектов и значений происходит постоянно в линейном времени, а это значит, что выбрав один курс действия, человек упускает другие возможности, а также, что курс, который он выбирает – это необратимое самосоздание. Но человек может это преодолеть, выводя альтернативы за пределы случайности или детерминизма. Человек

переносит естественные происшествия из внешнего мира во внутренний – для своего решения и выполнения. Поэтому человеку необходимо как можно больше критичного и самосознающего управления своими действиями.

Так как вещи блекнут, человек стремится создать больше эстетических объектов длительного значения. Поэтому греческие храмы, египетские пирамиды – это человеческая победа над злом. Человек – единственное животное, которое способно победить увядание. Мы не зря определяем появление человека по возникновению захоронений, полагал Беккер. Все началось с создания ритуала, артистического события-объекта, которое приносило в природу конкретность и свободу.

О смерти и бессмертии

Поздние работы Э. Беккера, «Отрицание смерти» и «Бегство от зла», можно охарактеризовать как попытку более конкретно рассмотреть, что есть зло для человека и как он привык с ним справляться (1973, 1975). В первой книге он провел индивидуальный психологический анализ проблемы смерти, во второй – социокультурный, анализ человеческих обществ. В основе его размышлений – то, как человек справляется с мыслью о том, что он смертен, как пытается избежать смерти, как он ее понимает и представляет.

Человек – единственное существо, ожидающее свою смерть. Культура подавляет человека не для того, чтобы уменьшить проявление его инстинктов (теория классического психоанализа), а чтобы он избежал смерти. Первичной репрессии подвержено сознание смерти, а не сексуальность (Rank, 1936, Brown, 1959). Человек строит характерные защиты, чтобы избавиться от страха смерти (и страха перед чистым бытием). Они жизненно необходимы ему, он не может без них существовать. Одновременно, человек никогда не может чувствовать абсолютную уверенность в себе. Как тело не является для человека полностью им самим, так и защиты характера были когда-то привнесены извне (поэтому ему постоянно необходимо подтверждение собственной правоты).

Игнорирование одного из условий приводит к критическому нарушению характера. Человек может отрицать границы собственного физического тела, полностью погрузиться в мир символов, теряя чувство собственного «я», или же, наоборот, увязнуть в трясине чужих требований и повседневности, что приводит к ощущению бессмысленности жизни. Такие крайности, по мнению Беккера, отчасти соответствуют клиническим картинам шизофренического и депрессивного психозов. Выходом из различных ловушек характера является трансценденция, то есть их преодоление, а также столкновение с первичной тревогой (своей беспомощностью и смертью) и благоговение перед творением.

С этой точки зрения, душевная болезнь – проблема храбрости, страх перед жизнью и смертью и попытка преодоления этого страха в области, чрезмерно узкой для человека. Необходимо осознать свою жизнь как проблему героического, что приведет к рефлексии о том, чем должна быть жизнь в идеальных измерениях.

Человек не может отказаться от области символического, а значит, от своих характерных защит. Все его развитие происходит из наложения ограничений на естественные проявления. Вытеснение выполняет витальную функцию, позволяя действовать без тревоги. Это представляет собой безмерное расширение опыта и возможного контроля, естественное стремление к жизненной силе, экспансии. Жизнь в теле – не «все, что мы имеем», если у нас есть это. Чтобы развиваться, это должно иметь возможность отрицания, должно связывать время, остановить тело.

Зрелость – способность видеть и ограничение, и возможность в определенном балансе, в который человек может творчески уместиться. Перенос тоже необходим людям, потому что им нравится, когда их нравственность имеет воплощение, они нуждаются в некоторых точках опоры в бесконечном потоке природы. Человеку необходим «миф внутренней жизни» (Лангер, 2000): убеждения о реальности влияют на реальные действия людей, они помогают новому войти в мир.

Последняя работа Э. Беккера, «Бегство от зла» (1975), посвящена концепции бессмертия. Он анализирует различные религиозные системы, на которых строились общества от первобытных и до наших дней, – с точки зрения того, насколько безопасно они защищали людей от страха смерти и от самой смерти. Ближе всего ему была модель племенного общества, но до того, как вождь стал воплощением бога. Помещение божественного в сферу видимого привело к перевесу власти, обесцениванию жизни подданных (в некоторых обществах они, в соответствие с верованиями, даже не имели души). Возникла необходимость в усердном доказательстве бессмертия, что осуществлялось, в первую очередь, через смерть врагов («удача – это когда стрела попадает в стоящего рядом», цитировал Беккер Аристотеля). По мнению автора, христианство совершало попытку к возвращению равенства, но она не вполне удалась.

Идеология бессмертия обнаруживается в физическом родительстве, в продолжении рода, когда ребенок является духовной собственностью семьи, не имеет права на личный выбор. Деньги, накопление – тоже форма преодоления смерти, так как монеты, появившиеся впервые в религиозных культурах, несут в себе отпечаток божественного. В «одномерном» атеистическом обществе люди бессознательно продолжают опираться на многие способы достижения бессмертия, избегания осознания своей смертной природы. Беккер полагал, что человеку необходима некоторая система, картина мира, включающая область трансцендентного, но при этом она должна быть критичной, учитывающей хрупкость жизни в настоящем.

Современная теория: управление страхом смерти

В 1986 г. Джеффом Гринбергом, Томасом Пыжински и Шелдоном Соломоном была предложена теория управления страхом, которая продолжает идеи Эрнеста Беккера в сфере социальной психологии как эмпирической науки. На данный момент в рамках этой теории проведено более 350 исследований в разных странах на темы агрессии, стереотипного поведения, потребности в структурировании и смысле, депрессии и фобий, политических предпочтений, творчества, сексуальной привлекательности, романтических и межличностных привязанностей, мученичества, религии, групповой идентификации, отвращения, отношения между человеком и природой, физического здоровья, склонности к риску, судебных решений (Arndt, Vess, 2008). Авторы полагают, что большая часть человеческого поведения может быть понята как попытка достичь психологического спокойствия перед лицом осознания своей смертной природы. Люди достигают этого спокойствия через культуру, которая поднимает их над остальными животными. Культурный буфер тревоги состоит из (а) веры в культурную картину мира и (б) самооценки, которая выводится из жизни по стандартам этой картины мира. Культурная картина мира – это набор хороших концепций для понимания мира и собственного места в нем, набор стандартов, через которые человек достигает чувства личной ценности, и обещания буквального и/или символического бессмертия для тех, кто живет по этим стандартам. Самооценка – это чувство личной ценности, социальный конструкт, основанный на разделяемой

окружающими концепции реальности, которая требует постоянного подтверждения, в основном со стороны носителей своей культуры (Pyszczynski et al., 2004).

Основные гипотезы теории (Pyszczynski et al., 1997):

1. Гипотеза обдумывания смерти (mortality salience): если вера в культурную картину мира и самооценку функционирует для охраны людей от беспокойства о смерти, то напоминание о смерти должно увеличить их потребность в этих психологических структурах (проксимальные и дистальные защиты).

2. Гипотеза доступности мыслей о смерти: если психологическая структура (например, культурная картина мира) охраняет людей от мыслей о смерти, то ослабление этой психологической структуры тут же облегчит доступ мыслей о смерти к сознанию.

3. Гипотеза буфера тревоги: если функция самооценки – охранять людей от тревоги, то усиление этой структуры будет связано со снижением тревоги, а ослабление – с повышением тревоги.

Сравнительные исследования демонстрируют, что данные эффекты специфичны для напоминаний о смерти и не встречаются при просьбе подумать о других неприятных событиях (провал на важном экзамене, исключение из социума, паралич, прочее). Авторы разработали модель двойного процесса защиты от сознательных и бессознательных мыслей о смерти. Если человек непосредственно размышляет о смерти, действуют проксимальные защиты. Они подавляют мысли о смерти и отодвигают событие в будущее, отрицая факторы, которые делают человека склонным к преждевременной смерти. Если мысли о смерти не попадают в фокус сознания, вовлекаются дистальные защиты, а именно поддержка веры в определенную картину мира и самооценка (Greenberg et al., 2000).

Авторы теории, основываясь на допущениях Э. Беккера (1973) и теории привязанности Джона Боулби (2003), выделили дополнительную систему защиты от смерти – отношения привязанности (Hart et al., 2005). Предполагается, что люди с разными стилями привязанности (надежный, избегающий, или тревожно-амбивалентный) отдают предпочтения разным защитами: близким отношениям, культурной картине мира или самооценке (Mikulincer et al., 2003). В соответствии с теорией Боулби, система привязанности активизируется в трудные для человека времена и служит трем важным психологическим функциям: с ее помощью люди достигают близости, безопасности и надежной основы, с которой они могут начать новое поведение, например, исследование или дружбу. Негативный опыт в ранних привязанностях приводит людей к тому, что они начинают больше полагаться на другие способы защиты от смерти, то есть отношения привязанности – главная и первая защита человека от страха смерти и других угроз. Косвенно это предположение поддерживают исследования эмпатии как личностной черты в ситуации обдумывания смерти (Schimmel et al., 2006) и ностальгии (Wildschut et al., 2006). В целом, обдумывание смерти увеличивало чувство преданности в романтических отношениях; напоминание о текущих отношениях уменьшало необходимость в других защитах (как картина мира и самооценка); напоминание о возможных прерываниях отношений приводило к актуализации мыслей о смерти (это происходило, когда просили представить реальную угрозу чувству длительности и связности, которое человек испытывает в длительных близких отношениях).

Исследователи пытались понять, какие защиты для человека предпочтительнее, и в ряде экспериментов показали, что люди предпочитают оставаться в отношениях и поступаются картиной мира и самооценкой. Подобный компромисс имеет свою эмоциональную цену: люди, высказывавшие готовность предпочесть отношения своим

стандартам, после того, как им напоминали о смерти, демонстрировали сниженное чувство гордости и повышенное чувство вины и стыда.

Рутледж и коллеги, изучающие творчество с позиции теории управления страхом (2004), нашли, что после обдумывания смерти творчество уменьшает страх смерти, и после творческой активности людям уже не требуется защита через культурную картину мира. Однако защита от смерти через творчество тоже имеет слабую сторону: оно, как и отношения привязанности, может увеличивать чувство вины (Arndt et al., 1999; Arndt et al., 2005, Mikulincer et al., 2003). Поскольку творчество является средством индивидуации, оно становится проблематичным после обдумывания смерти, если человек не имеет надежной основы: ассимиляции с другими людьми.

Теория управления страхом и исследования времени

Клэй Рутледж и Джейми Арндт (Routledge, Arndt, 2005) продолжают идеи Э. Беккера о человеке как самосознающей точке временного отсчета, способном категоризовать прошлые события, размышлять над ними и представлять будущее через планирование. Способность к символической мысли освобождает от «тирании настоящего», прямой реактивности, импульсивности и инстинкта, позволяет создать социальную конструкцию наполненного смыслом и подконтрольного мира. Авторы предполагают, что люди защищают себя от логической связи между временем и смертью, инвестируя в убеждения, которые делают само время осмысленным. Это метод совладания с фактом, что будущее имеет неудачный результат.

Авторы теории различают картины мира буквального (религии) и символического бессмертия (культурный буфер тревоги) (Dechesne et al., 2003). Люди, которым давали установку на буквальное бессмертие (жизнь после смерти) демонстрировали меньшую необходимость в символических защитах после задания на обдумывание смерти.

Социальный мир структурирован через календарь, это призвано дать жизни порядок и предсказуемость. Исследования показали (Routledge, Arndt, 2005), что участникам, которым давали задание на обдумывание своей смерти, гораздо меньше нравился персонаж зарисовки, не любивший планировать, носить часы или использовать календарь (обдумывание неопределенности не производило такого эффекта).

Социальному конструированию реальности через время Рутледж и Арндт (2005), вслед за Брауном (1959), противопоставляют опыт «пребывания вне времени»: погружение в приятную деятельность, при которой человек забывает о внешнем, измеряемом времени. Это схоже с творческой активностью и понятием потока Чиксентмихайи (1990).

Марк Ландау, Джефф Гринберг и Шелдон Соломон объединяют теорию управления страхом с нарративным подходом: по их мнению, нарративная длительность имеет функцию управления страхом смерти, интегрируя знания человека о том, кем он является, как он к этому пришел и кем он был (2008). Ретроспективная нарративная длительность имеет дело с тем, откуда человек произошел, что он уже сделал. Проспективная длительность касается настоящего как закладывающего основы для будущих исходов: человек ставит цели для героического становления, которое преодолевает монотонность объективного времени. Так как обычно находится мало свидетельств в пользу того, что стремления в настоящем дадут буквальное или символическое бессмертие в будущем, человек обращается к культуре для

доказательства того, что он участвует в чем-то ценном. Исследования показали, что после обдумывания смерти люди стремятся планировать свою жизнь с помощью более четких отрезков времени, используют больше объяснительных стратегий в автобиографических зарисовках (связывают время), настаивают на большем числе связей между прошлыми событиями и собой в настоящем, предпочитают принимать предложения, имеющие отдаленные последствия (например, назвать в их честь звезду), а не дающие удовольствие в настоящем (массажное кресло). И мужчины, и женщины после обдумывания смерти высказывали желание завести больше детей (в случае с женщинами – если дети не помешают карьере) (Wisman, Goldenberg, 2005).

Другая интересная часть работ в рамках теории управления страхом касается ностальгии. Авторы определили ностальгию как значимую для «я», в целом, позитивную эмоцию с «горько-сладким» компонентом (Sedikides et al., 2006). Люди вспоминают своих любимых и близких, а также социальный контекст в целом (Sedikides et al., 2008). Когда в воспоминаниях возникали описания отрицательных переживаний: разочарований, потерь, физического увечья, разлуки и даже смерти любимых, чаще всего истории выстраивались, формируя «последовательность искупления». Это нарративный паттерн (McAdams, Logan, 2004), при котором человек движется в описании событий от несчастья к его смягчению, улучшению, находит какие-то позитивные черты в происшедшем (иначе говоря, «все хорошо, что хорошо кончается»). «Последовательность смешения», когда хорошее изменяется в худшую сторону, наблюдалась значительно реже. Люди испытывают ностальгию чаще всего в ситуациях одиночества и печали, и, как предполагают исследователи, это происходит потому, что ностальгия способна дать человеку некоторое равновесие.

Ностальгия служит четырем функциям: она генерирует позитивный аффект, поддерживает позитивное самоотношение, укрепляет социальные узы и наполняет жизнь смыслом, что облегчает совладание с экзистенциальной угрозой. Участники, которые писали о ностальгии, проявляли более надежный стиль взрослых привязанностей и большую межличностную компетентность, чем участники в контрольных условиях. Это соответствует исследованию Зимбардо и Бойда по временной перспективе: студенты, у которых преобладала шкала позитивного прошлого, были чаще вовлечены в текущие романтические и дружеские отношения, и были менее склонны к рисковому поведению (Zimbardo, Boyd, 1999). Группа исследователей ностальгии использовала шкалу позитивного прошлого из опросника ZPTI в некоторых своих исследованиях (Routledge et al., 2008; Sedikides et al., 2008).

Константин Седикидес и коллеги предполагают, что ностальгия облегчает переживание длительности «я», когда происходят опыты прерывания этой длительности (2008). Их исследования показывают, что, обращаясь к прошлому, когда ресурсов в настоящем не хватает, человек восстанавливает индивидуальное и коллективное «я», и это дает ему силы преодолеть опыт прерывания. При задании вспомнить события, вызывающие наибольшие ностальгические чувства, люди воспринимали настоящее более осмысленно.

Седикидес с коллегами замечает (2006), что ностальгия носит схожие черты со стыдом, виной и смущением. Она сильно затрагивает «я», имеет мотивационный компонент (например, прояснение целей), а также склонна вызывать поведенческие последствия (например, звонок другу или родственнику после того, как человек пережил по отношению к ним ностальгические чувства). Так же, как вина и смущение (но не как стыд), ностальгия фокусируется на определенном социальном эпизоде и относится к какому-то аспекту «я», но, как и стыд, она может распространиться и на всю личность целиком.

В то же время, ностальгия отличается от вины, стыда и смущения в некоторых важных вещах. Ностальгия не обязательно включает нравственный компонент, хотя внутренние стандарты могут быть активированы не напрямую, а опосредованно, через воспоминание о каком-то близком значимом человеке. Ностальгия – не болезненная эмоция, наоборот, она позитивна, побуждает к аффилиативным действиям, а не стремлениям восстановить справедливость или загладить вину. Наконец, как вина и смущение (но не стыд), ностальгия не может быть связана с определенными невербальными проявлениями.

Другие темы исследований

Авторы теории управления страхом также проводили исследования на темы прощения. Шимель, Воль и Уильямс (Schimel et al., 2006) обнаружили, что люди с высокой предрасположенностью к эмпатии более склонны прощать игрока противоположной хоккейной команды, нарушившего правила. Схожие результаты были получены и при предварительном напоминании о важности эмпатии. Исследования по восприятию искусства показали, что после обдумывания смерти люди с высокой потребностью в структурировании опыта чаще отвергают современное абстрактное искусство, но на классической живописи это никак не сказалось (Landau, Greenberg et al., 2006). Результаты соответствуют идее Беккера о том, что человеку необходима основа для размыкания опыта и связей, и процесс протекает легче в более осмысленной среде (при напоминании о ценностях, классическом видении объектов). Были проведены важные исследования о принятии животного происхождения человека (и о связанном с этим чувстве отвращения) (Goldenberg et al., 2001), о готовности пройти плановую проверку на рак (Arndt et al., 2007), о защите окружающей среды (Koole, van den Berg, 2005; Vess, Arndt, 2008), о внутренней и внешней мотивации (Arndt et al., 2002), глубокой и поверхностной религиозности (Dechesne et al., 2003; Jonas, Fischer, 2006), о посттравматических эффектах и психопатологии (Kozloff et al., 2006; Strachan, Schimel et al., 2007), о покупательских решениях (Arndt et al., 2004), об искажениях в восприятии внешних групп (Harmon-Jones et al., 1996), о судебных (Arndt et al., 2005; Hirschberger, 2006) и политических решениях (Cohen, Solomon, 2011; Pyszczynski et al., 2008). Все они опираются на работы Э. Беккера.

Литература:

- Бергсон, А. Две формы памяти / А. Бергсон // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – М.: МГУ, 1979. – С. 61 – 75.
- Бергсон, А. Длительность и непрерывность / А. Бергсон. – М.: Добросвет, КДУ, 2006.
- Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби. – М.: Гардарики, 2003.
- Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – М.: Республика, 1995.
- Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Лангер, С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер. – М.: Республика, 2000.
- Пиаже, Ж. Моральное суждение у ребенка / Ж. Пиаже. – М.: Академический проект, 2006.
- Хейзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хейзинга. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2007.

Arndt, J. Cancer and the Threat of Death: The Cognitive Dynamics of Death Thought Suppression and Its Impact on Behavioral Health Intentions / J. Arndt, A. Cook, J. Goldenberg, C. Cox // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2007. – Vol. 92. – Pp. 12 – 29.

Arndt, J. Terror Management in the Courtroom: Exploring the Effects of Mortality Salience on Legal Decision Making / J. Arndt, A. Cook, S. Solomon, J. Lieberman // *Psychology, Public Policy, and Law*. – 2005. – Vol. 11(3). – Pp. 407 – 438.

Arndt, J. Creativity and Terror Management: Evidence that Creative Activity Increases Guilt and Social Projection Following Mortality Salience / J. Arndt, J. Greenberg, S. Solomon, T. Pyszczynski, J. Schimel // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – Vol. 77(1). – Pp. 19 – 32.

Arndt, J. Illuminating the Dark Side of Creative Expression: Assimilation Needs and the Consequences of Creative Action Following Mortality Salience / J. Arndt, C. Routledge, J. Greenberg, K. Sheldon // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2005. – Vol. 31(10). – Pp. 1327 – 1339.

Arndt, J. The Intrinsic Self and Defensiveness: Evidence that Activating the Intrinsic Self Reduces Self-Handicapping and Conformity / J. Arndt, J. Schimel, J. Greenberg, T. Pyszczynski // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2002. – Vol. 28(5). – Pp. 671 – 683.

Arndt, J. The Urge to Splurge: A Terror Management Account to Materialism and Consumer Behavior / J. Arndt, S. Solomon, T. Kasser, K. Sheldon // *Journal of Consumer Psychology*. – 2004. – Vol. 14(3). – Pp. 198 – 212.

Arndt, J. Tales from Existential Oceans: Terror Management Theory and How the Awareness of Our Mortality Affects Us All / J. Arndt, M. Vess // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2008. – Vol. 2(2). – Pp. 909 – 928.

Baldwin, J.M. *Genetic Theory of Reality* / J.M. Baldwin. – New York: Putnam's, 1915.

Baumeister, R. *Anxiety and Deconstruction: On Escaping the Self* / R. Baumeister // *Self-Inference Processes: The Ontario Symposium*. – 1990. – Vol. 6. – Pp. 259 – 291.

Becker, E. *Revolution in Psychiatry: A New Understanding of Man* / E. Becker. – New York: Free Press, 1964.

Becker, E. *Beyond Alienation: A Philosophy of Education for the Crisis of Democracy* / E. Becker. – New York: George Braziller, 1967.

Becker, E. *The Structure of Evil: An Essay on the Unification of the Science of Man* / E. Becker. – New York: George Braziller, 1968.

Becker, E. *The Lost Science of Man* / E. Becker. – New York: George Braziller, 1971.

Becker, E. *The Birth and Death of Meaning: An Interdisciplinary Perspective on the Problem of Man* / E. Becker. – Harmondsworth: Penguin Books, 1972.

Becker, E. *The Denial of Death* / E. Becker. – New York: Free Press, 1973.

Becker, E. *Escape from Evil* / E. Becker. – New York: Free Press, 1975.

Bergson, H. *Time and Free Will: An Essay on the Immediate Data of Consciousness* / H. Bergson. – London: George Allen and Unwin, 1910.

Bergson, H. *Matter and Memory* / H. Bergson. – London: George Allen and Unwin, 1911.

Brown, N.O. *Life against Death: The Psychoanalytical meaning of History* / N.O. Brown. – Middletown: Wesleyan University Press, 1959.

Chandler, M. *Personal Persistence and Persistent Peoples: Continuities in the Lives of Individuals and Whole Cultural Communities* / M. Chandler, T. Proulx // *Self-Continuity:*

Individual and Collective Perspectives / Ed. by F. Sani. – New York: Psychology Press, 2008. – Pp. 213 – 226.

Cohen, F. The Politics of Mortal Terror / F. Cohen, S. Solomon // *Current Directions in Psychological Science*. – 2011. – Vol. 20(5). – Pp. 316 – 320.

Csikszentmihalyi, M. *Flow: The Psychology of Optimal Experience* / M. Csikszentmihalyi. – New York: Harper & Row, 1990.

de St. Aubin, E. The Propagation of Genes and Memes: Generativity through Culture in Japan and the United States / E. de St. Aubin // *The Generative Society: Caring for Future Generation* / Ed. by Ed de St. Aubin, D.P. McAdams, T.-C. Kim. – Washington, DC: APA, 2004.

Dechesne, M. Literal and Symbolic Immortality: The Effect of evidence of Literal Immortality on Self-Esteem Striving in Response to Mortality Salience / M. Dechesne, T. Pyszczynski, J. Arndt, S. Ransom, K. Sheldon, A. van Knippenberg, J. Janssen // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2003. – Vol. 84(4). – Pp. 722 – 737.

Dewey, J. *A Common Faith* / J. Dewey. – New Haven: Yale University Press, 1934.

Dewey, J. *Experience and Nature* / J. Dewey. – New York: Dover Books, 1958.

Dewey, J. *Knowing and the Known* / J. Dewey, A. Bentley. – Boston: Beacon Press, 1949.

Du, Bois W. What is Humanistic Sociology? / Bois W. Du, D. Wright // *American Sociologist*. – 2002. – Vol. 33(4). – Pp. 5 – 36.

Goldenberg, J. I Am Not an Animal: Mortality Salience, Disgust, and the Denial of Human Creatureliness / J. Goldenberg, T. Pyszczynski, J. Greenberg, S. Solomon, B. Kluck, R. Cornwell // *Journal of Experimental Psychology*. – 2001. – Vol. 130(3). – Pp. 427 – 435.

Greenberg, J. Proximal and Distal Defenses in Response to Reminders of One's Mortality: Evidence of a Temporal Sequence / J. Greenberg, J. Arndt, L. Simon, T. Pyszczynski, S. Solomon // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2000. – Vol. 26(1). – Pp. 91 – 99.

Greenberg, J. The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: a Terror Management Theory / J. Greenberg, T. Pyszczynski, S. Solomon // *Public self and private self*. / Ed. by R.F. Baumeister. – New York: Springer-Verlag, 1986. – Pp. 189 – 212.

Harmon-Jones, E. The Effects of Mortality Salience on Intergroup Bias Between Minimal Groups / E. Harmon-Jones, J. Greenberg, S. Solomon, L. Simon // *European Journal of Social Psychology*. – 1996. – Vol. 26(4). – Pp. 677–681.

Hart, J. Attachment, Self-Esteem, Worldviews: Evidence for a Tripartite Security system / J. Hart, P. Shaver, J. Goldenberg // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2005. – Vol. 88(6). – Pp. 999 – 1013.

Hirschberger, G. Terror Management and Attributions of Blame to Innocent Victims: Reconciling Compassionate and Defensive Responses / G. Hirschberger // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2006. – Vol. 91(5). – Pp. 832 – 844.

Jonas, E. Terror Management and Religion: Evidence that Intrinsic Religiousness Mitigates Worldview Defense Following Mortality Difference / E. Jonas, P. Fischer // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2006. – Vol. 91(3). – Pp. 553 – 567.

Koole, S. Lost in Wilderness: Terror Management, Action Orientation, and Nature Evaluation / S. Koole, A. van den Berg // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2005. – Vol. 88(6). – Pp. 1014 – 1028.

Kozloff, S. Fatal Distraction: The Impact of Mortality Salience on Dissociative Responses to 9/11 and Subsequent Anxiety Sensitivity / S. Kozloff, S. Solomon, J. Greenberg, F. Cohen, B. Gershuny, C. Routledge, T. Pyszczynski // *Basic and Applied Social Psychology*. – 2006. – Vol. 28. – Pp. 349 – 356.

Landau, M. The Never-Ending story: A Terror Management Perspective on the Psychological Function of Self-Continuity / M. Landau, J. Greenberg, S. Solomon // *Self-Continuity: Individual and Collective Perspectives* / Ed. by F. Sani. – New York: Psychology Press, 2008. – Pp. 87 – 100.

Landau, M. Windows into Nothingness: Terror Management, Meaninglessness, and Negative Reactions to Modern Art / M. Landau, J. Greenberg, S. Solomon, T. Pyszczynski, A. Martens // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2006. – Vol. 90(6). – Pp. 879 – 892.

Liechty, D. Touching Mortality, Touching Strength: Clinical Work with Dying Patients / D. Liechty // *Journal of Religion and Health*. – 2000. – Vol. 39 (3). – Pp. 247 – 259.

Lynd, H.M. On Shame and the Search for Identity / H.M. Lynd. – New York: Harcourt-Brace, 1958.

McAdams, D.P. What is Generativity? / D.P. McAdams, R.L. Logan // *The Generative Society: Caring for Future Generation* / Ed. by Ed de St. Aubin, D. McAdams, T.-C. Kim. – Washington, DC: APA, 2004.

Mikulincer, M. The Existential Function of Close Relationships: Introducing Death into the Science of Love / M. Mikulincer, V. Florian, G. Hirschberger // *Personality and Social Psychology Review*. – 2003. – Vol.7. – Pp. 20 – 40.

Mills, C.W. Situated Actions and Vocabularies of Motive / C.W. Mills // *American Sociological Review*. – 1940. – Vol. 5(6). – Pp. 904 – 913.

Mills, C.W. *The Sociological Imagination* / C.W. Mills. – Harmondsworth: Penguin Books, 1970.

Munley, P. Ernest Becker: A Vital Resource for Counseling Psychology / P. Munley, P. Johnson // *Counseling Psychology Quarterly*. – 2003. – Vol. 16 (4). – Pp. 363 – 372.

Nuttin, J. Intimacy and Shame in the Dynamic Structure of Personality / J. Nuttin // *Feelings and Emotions* / Ed. by M.L. Reymert. – New York: McGraw-Hill, 1950.

Perceptual Changes in Psychopathology / Eds. Ittelson W., Kutash S. – NJ: Rutgers University Press, 1961.

Pyszczynski, T. Why Do We Need What We Need? A Terror Management Perspective on the Roots of Human Social Motivation / T. Pyszczynski, J. Greenberg, S. Solomon // *Psychological Inquiry*. – 1997. – Vol. 8. – Pp. 1 – 20.

Pyszczynski, T. Why Do People Need Self-Esteem? A Theoretical and Empirical Review / T. Pyszczynski, J. Greenberg, S. Solomon, J. Arndt, J. Schimel // *Psychological Bulletin*. – 2004. – Vol. 130. – Pp. 435 – 468.

Pyszczynski, T. Terrorism, Violence, and Hope for Peace: A Terror Management Perspective / T. Pyszczynski, Z. Rotschild, A. Abdollahi // *Current Directions in Psychological Science*. – 2008. – Vol. 17(5). – Pp. 318 – 322.

Rank, O. *Will Therapy, and Truth and Reality* / O. Rank. – New York: Knopf, 1936.

Routledge, C. Time and Terror: Managing Temporal Consciousness and the Awareness of Mortality / C. Routledge, J. Arndt // *Understanding Behavior in the Context of Time* / Ed. by A. Strathman, J. Joireman. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005. – Pp. 59 – 84.

Routledge, C. A Blast from the Past: The Terror Management Function of Nostalgia / C. Routledge, J. Arndt, C. Sedikides, T. Wildschut // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2008. – Vol. 44. – Pp. 132 – 140.

Routledge, C. Task Engagement after Mortality Salience: The Effects of Creativity, Conformity, and Connectedness on Worldview Defense / C. Routledge, J. Arndt, K.M. Sheldon // *European Journal of Social Psychology*. – 2004. – Vol. 34. – Pp. 477 – 487.

Schimel, J. Terror Management and Trait Empathy: Evidence that Mortality Salience Promotes Reactions of Forgiveness among People with High (vs. Low) Trait Empathy /

J. Schimel, M. Wohl, T. Williams // *Motivation and Emotion*. – 2006. – Vol. 30(3). – Pp. 214 – 224.

Sedikides, C. *Affect and the Self* / C. Sedikides, T. Wildschut, J. Arndt, C. Routledge // *Affect in Social Thinking and Behavior* / Ed. By J. Forgas. – New York: Psychological Press, 2006.

Sedikides, C. *Nostalgia as Enabler of Self-Continuity* / C. Sedikides, T. Wildschut, C. Routledge, J. Arndt // *Self-Continuity: Individual and Collective Perspectives* / Ed. by F. Sani. – New York: Psychology Press, 2008. – Pp. 227 – 239.

Strachan, E. *Terror Management: Evidence that Mortality Salience Exacerbates Phobic and Compulsive Behaviors* / E. Strachan, J. Schimel, T. Williams, S. Solomon, T. Pyszczynski, J. Greenberg // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2007. – Vol. 33(8). – Pp. 1137 – 1151.

Vess, M. *The Nature of Death and the Death of Nature: The Impact of Mortality Salience on Environmental Concern* / M. Vess, J. Arndt // *Journal of Research in Personality*. – 2008. – Vol. 42. – Pp. 1376 – 1380.

Whitehead A.N. *Modes of Thought* / A.N. Whitehead. – New York: Capricorn Books, 1958.

Wildschut, T. *Nostalgia: Content, Triggers, Functions* / T. Wildschut, C. Sedikides, J. Arndt, C. Routledge // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2006. – Vol. 91(5). – Pp. 975 – 993.

Wisman, A. *From Grave to the Cradle: Evidence that Mortality Salience Engenders a Desire for Offspring* / A. Wisman, J. Goldenberg // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2005. – Vol. 89. – Pp. 46 – 61.

Zimbardo, P. *Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric* / P. Zimbardo, J. Boyd // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – Vol. 77(6). – Pp. 1271 – 1288.

Zimbardo, P. *The Time Paradox: The New Psychology of Time that Can Change your Life* / P. Zimbardo, J. Boyd. – New York: Free Press, 2008.

Поступила в редакцию: 25.04.2015 г.

Сведения об авторах

К.А. Чистопольская – младший научный сотрудник, отделение суицидологии, Московский научно-исследовательский институт психиатрии – филиал федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Email: ktchist@gmail.com

С.Н. Ениколопов – кандидат психологических наук, профессор, заведующий отделом клинической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение Научный центр психического здоровья.

Email: enikolopov@mail.ru